

Сам Ф. Булдовский был зарегистрирован в религиозном отделе не только как священнослужитель, но и как «митрополит всея Украины» [2, л. 11].

Отношения между этими двумя учреждениями были напряженные, т.е. каждый желал быть главнее другого. В результате этой борьбы религиозный отдел был ликвидирован, а власть сосредоточилась в руках Епархиального управления. Правда, и здесь произошли кадровые перестановки: «Просвіта» добилась введения своего представителя – А. Попова (вместо протоиерея Васьковского) [4, с. 203].

Таким образом, можно констатировать, что харьковская организация «Просвіта» имела непосредственное влияние на политику православной церкви. Она вмешивалась и влияла на духовную жизнь харьковцев, требуя украинизации церкви, определяя священников на службу в храмы.

1. Веденеев, Д. Гитлеровский рейх и религиозная сфера оккупированной Украины. Часть 2. [Электронный ресурс] / Д. Веденеев // Православная жизнь. – Режим доступа: <https://pravlife.org/ru/content/gitlerovski-reyh-i-religiozna-ya-sfera-okkupirovannoy-ukrainy-chast-2>. – Дата доступа: 10.03.2020.
2. Докладная записка народного комиссара внутренних дел УССР В. Сергиенко. Центральный государственных архив общественных организаций Украины // Центральный государственных архив общественных организаций Украины. – Ф. 1. Оп. 23. Д. 90.
3. Литерное дело бывшего Управления НКГБ УССР по Харьковской области на людей, оставшихся в тылу врага в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Отраслевой государственный архив Службы Безопасности Украины (далее – ОГА СБУ). – Д. 99615.
4. Скоробогатов, А.В. Харків у часи німецької окупації (1941–1943) / А.В. Скоробогатов. – Харків : Прапор, 2004. – 368 с.
5. Следственное дело по обвинению Байды П.С. // Государственный архив Харьковской области. – Ф. Р-6452. Оп. 1. Д. 5346.
6. Следственное дело по обвинению Булдовского Ф.И. // ОГА СБУ. – Д. 0-21966.
7. Следственное дело по обвинению Камышана И.Я. // ОГА СБУ. – Д. 035795.
8. Следственное дело по обвинению Кравчука Я.А. // ОГА СБУ. – Ф. 5. Д. 67452.
9. Следственное дело по обвинению Криворученко Н.С. // ОГА СБУ. – Д. 036316.

Довгялло М.С.

**УЧАСТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ
ЮГОСЛАВСКОГО НАРОДА (1941–1945 гг.)**

Эмиграция из России имела исключительное значение в рамках всемирной эмиграции первой половины XX столетия. За границей эмигрировавшими россиянами было создано уникальное Русское Зарубежье. Одним

из его крупных составляющих и главным центром в те годы являлось Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС) (с 1929 г. – Королевство Югославия). При этом правительство страны, утроившей свою территорию, столкнулось не только с социальными и экономическими, но и национальными проблемами. В этих условиях российские эмигранты, пусть и невольно, оказались причастными к внутренним проблемам страны пребывания. За время нахождения россияне привнесли свой самобытный колорит и оказали определенное влияние на военно-политическую, социально-экономическую и культурную ситуацию в этом государстве. В 30-е годы число русских в Югославии составляло 25-30 тыс. человек [1, с. 20]. При этом более 60% эмигрантов в той или иной степени имели в России отношение к интеллектуальной деятельности. В частности, российские специалисты работали в Военном министерстве Королевства 700 чел., а также в Министерстве связи и аппарате Министерства иностранных дел [7, с. 220].

События 1941–1945 гг. и их последствия стали тяжелейшим испытанием для народов Югославии и СССР. Война вторглась в судьбы многих «старых» эмигрантов. К примеру, когда фашистская Германия в апреле 1941 г. напала на Югославию, там находилось около 30 тыс. белоэмигрантов, в том числе 8 тыс. в Белграде [18, с. 181]. Военнообязанные российские эмигранты, принявшие югославянское подданство, были призваны в армию, где добросовестно выполнили свой долг. Так, около 12% русских участников Апрельской войны 1941 г. погибли, а часть солдат и офицеров (173 чел.) вместе с сербами оказались в немецких лагерях для военнопленных [17, с. 16]. Следует отметить, что после капитуляции и оккупации Югославии часть российской эмиграции принимала непосредственное участие в боевых действиях, как на стороне гитлеровской Германии, так и в движении Сопротивления.

Фашистская оккупация Югославии и нападение Германии на Советский Союз окончательно разделили российскую эмиграцию. Такое разделение было обусловлено закрытием всех российских периодических изданий и приостановлением деятельности всех русских организаций как заведомо ненадежных после оккупации. Как следствие, в российской эмиграции начался процесс самоорганизации, выявивший и первые противоречия. Эмиграция фактически была разделена на две части – «оборонцев» и «пораженцев». Первые считали, что гитлеровская Германия стремится уничтожить Россию, а, следовательно, следует помогать СССР в войне, вторые – лишь большевизм в России и желали ему поражения. В связи с этим значительная часть белогвардейской эмиграции стала на путь сотрудничества с оккупантами. Из ее рядов был сформирован костяк т. н. Русского Охранного Корпуса (РОК), который возглавил генерал-лейтенант Б.А. Штейфон, который, несмотря на свое еврейское происхождение, получил чин генерал-лейтенанта вермахта, а в июне 1944 г. был награжден германским Крестом военных заслуг II класса с мечами [10, с. 155]. Перво-

начально в Корпус была объявлена мобилизация мужского населения в возрасте от 18 до 51 года, а затем в него влилась значительная часть русских, более 2 тысяч белоэмигрантов, что составляло почти 30% мужчин, пригодных для военной службы. При этом примерно 10% от общего числа добровольцев составляла русская молодежь, выросшая вдали от родины [3, с. 291]. Необходимо отметить, что данное обстоятельство ухудшило отношение местного сербского населения к эмиграции. В конце 1941 г. Корпус приступил к несению службы по охране рудников, железнодорожных узлов и магистральных дорог, а в дальнейшем участвовал в борьбе с партизанами и регулярными войсками И.Б. Тито, практически заменив целую немецкую дивизию [11, с. 23]. РОК, вопреки надеждам и даже требованиям командования, не был направлен на Восточный фронт, чтобы бороться с большевиками, а остался в оккупированной Сербии в качестве вспомогательной немецкой части. За все время своего существования Корпус охранял склады с продовольствием и боеприпасами в Югославии и участвовал в боевых действиях против партизан в юго-восточной Сербии, а впоследствии – в Белградской операции [5, с. 222]. Вместе с тем, части русского Корпуса оказывали помощь сербскому населению от преследования и уничтожения его усташами. Так, в течение лета 1942 г. было перевезено через р. Дрину и спасено от смерти около 10–12 тыс. сербских православных беженцев, в 1943 г. в районе Зворника спасено свыше 1 500 чел., а 400 раненым оказана медицинская помощь [11, с. 17]. В июне 1944 г. в Корпусе находилось около 12 000 чел., а в мае 1945 г. – 4 500 солдат и офицеров, что составляло примерно четверть от общего числа прошедших через его ряды [3, с. 292]. За неполные четыре года существования РОК прошли более 17 тыс. человек, а общее число боевых потерь (погибшие, тяжелораненные и пропавшие без вести) составило 6 709 человек [17, с. 36]. Потери составили 70% личного состава. Из числа белогвардейцев германское командование вербовало охранников, шпионов и карателей. Только в оккупированной Югославии, например, около 200 белоэмигрантов сотрудничали с гестапо и абвером [18, с. 186].

Вместе с тем, многие эмигранты и их дети, которые родились в Королевстве, либо были вывезены родителями в юном возрасте из России, приняли активное участие в партизанском движении, сражаясь с фашистами в рядах Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ). 21 декабря 1941 г. была создана Первая пролетарская бригада, которая послужила началом формированию НОАЮ. Так, в прошлом полковник царской армии, выпускник Академии Генерального штаба, кавалер многих боевых наград Первой мировой войны Ф.Е. Махин переехал в Королевство СХС из Праги в качестве представителя «Земгора» в 1924 г., основал в Белграде русскую библиотеку, которая получала многие советские издания. В 1939-м он становится членом Компартии Югославии, затем – организатором партизанского движения. Ф.Е. Махин командовал отрядом в четниче-

ской армии Драже Михайловича, а в конце 1941 г. вступил в ряды югославских партизан и воинов НОАЮ под командованием И.Б. Тито. Всю войну Ф.Е. Махин был одним из руководителей отдела пропаганды Верховного штаба НОАЮ и начальником его исторического отдела. Активно сотрудничал в печатных органах коммунистов – «Военно-политическом обзоре Верховного штаба», «Борбе», «Новой Югославии» [15, с. 97], хорошо владел французским, немецким, английским, чешским, болгарским и в совершенстве сербскохорватским языками, исполняя роль переводчика, был награжден боевыми орденами. По некоторым данным, он был награжден орденом Ленина в Москве [13, с. 530]. Умер Ф.Е. Махин после освобождения Югославии в июне 1945 г. в звании генерал-лейтенанта НОАЮ.

В годы оккупации Белграда, где проживало наибольшее число русских эмигрантов, был создан «Союз советских патриотов» (ССП), в который входили главным образом представители второго поколения российской эмиграции. Был принят устав, в котором излагались цели организации и ее структура. Члены ССП ставили перед собой задачи: бороться с оккупантами, оказывать посильную помощь пленным красноармейцам и отправлять их в партизаны, собирать оружие, вести пропагандистскую работу в пользу Советского Союза и т.д. Наиболее активно Союз действовал в 1942–1943 гг. [6, с. 32]. В него входило около 120 чел., и он являлся частью антифашистского югославского подполья. Одним из руководителей Центрального комитета Союза был доктор В.А. Лебедев, обладавший хорошими организаторскими способностями и личной смелостью. До войны В.А. Лебедев являлся одним из редакторов сербского журнала «Русский архив». Среди членов ЦК Союза были поэт и литературовед, бывший доцент Белградского университета, доктор филологии И.Н. Голенищев-Кутузов и доктор юридических наук, профессор Б. Алексеев и др. Союз поддерживал тесные связи с югославскими партизанами, переправлял к ним добровольцев, в том числе и бежавших из фашистских лагерей советских военнопленных. Руководитель Союза эмигрант Ф. Высторопский «Феца» был арестован и погиб в августе 1944 г. [13, с. 247]. Несмотря на строгую конспирацию, в июле 1944 г. полиция выследила и арестовала ряд подпольщиков. Оставшаяся часть членов ССП, опасаясь дальнейших прорывов, летом покинула Белград, влившись в ряды бойцов НОАЮ.

В частях НОАЮ и партизанских отрядах воевали и другие российские эмигранты, не члены ССП. Так, сражался в партизанском отряде и был убит в бою талантливый российский эмигрантский поэт А.П. Дураков, многие патриотические стихи которого, по свидетельству вернувшегося после войны в СССР И.Н. Голенищева-Кутузова, остались ненапечатанными [8, с. 243]. Указом Президиума Верховного Совета СССР он посмертно награжден орденом Отечественной войны II степени. Мужественно сражались с оккупантами И. Бердяева. До войны студентка Загребского университета медицинского факультета, которую хорватские усташы,

выследив, схватили и сожгли, Е. Шеремет, погибшая в одном из боев с фашистами. В НОАЮ проявили себя с наилучшей стороны также медсестра М. Пятницкая, врач А. Чернозубов и др.

Российский эмигрант В. Смирнов окончил технический факультет Белградского университета, работал инженером-строителем мостов. После оккупации Югославии В. Смирнов вступил в партизаны, ив течение всей войны возглавлял Технический отдел Верховного штаба НОАЮ, участвовал в сражениях, был удостоен ряда высших югославских боевых наград. За великолепное знание военно-инженерного и взрывного дела и личное мужество югославские партизаны прозвали его «Влада Рус-Мостоубийца». После окончания войны генерал-полковник В. Смирнов занимал ряд руководящих постов в Югославской народной армии (ЮНА) [15, с. 136].

В борьбе югославских партизан участвовали российские эмигранты разных профессий и званий. Так, значительный вклад в борьбе с фашизмом внес известный бактериолог, доктор медицины Н. Чернозубов, начальник Отделения эпидемиологии Верховного штаба НОАЮ, кавалер многих высших наград Народной Югославии, в довоенные годы преподававший на медицинском факультете Белградского университета. В октябре 1944 г. погиб, выполняя 24-й вылет и повторив подвиг советского летчика Н.Ф. Гастелло, сын русских эмигрантов командир звена военно-воздушных сил НОАЮ майор А.И. Попов и др.

Многие российские эмигранты, не принимая непосредственного участия в борьбе с оккупантами, отказывались от сотрудничества с местными властями, что тоже требовало немало мужества. Так поступил врангелевский, первый русский генерал-майор авиации В.М. Ткачев, один из лучших русских летчиков в годы Первой мировой войны. Благодаря своим организаторским способностям он был назначен в годы войны на пост командующего русской военной авиацией. Затем он «в период гражданской войны являлся самым сильным организатором и тактиком в применении авиации» [14, с. 128]. В эмиграции проживал в Королевстве СХС. С 1921 г. В.М. Ткачев был бессменным председателем «Общества офицеров Российского военно-воздушного флота в Королевстве СХС» [9, с. 21]. Он отказался сотрудничать с оккупационными властями, а в 1945 г. явился с повинной к советскому командованию. Был осужден и отбывал срок в ГУЛАГе. После амнистии остался жить в Советском Союзе.

Эти примеры свидетельствуют о том, что тысячи российских эмигрантов в Югославии осознали в те годы, что один и тот же враг стремится уничтожить все, что дорого было гражданам, как Советского Союза, так и Югославии. Они понимали, что только в борьбе с оккупантами можно отстоять жизнь и свободное будущее народов их старой и новой Родины. И вместе с тем, в российской эмиграции не было единства мнений и действий после освобождения Югославии. В первую очередь в главном вопросе – отношении к советской власти. В июне 1946 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР поддан-

ных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Югославии» [12, с. 136]. После принятия Указа и ознакомления с ним населения в Югославии, по официальным данным, более шести тысяч российских эмигрантов подали заявления о своем желании перейти в советское гражданство [2, с. 136]. Многие из них, прежде всего бывшие подпольщики и партизаны, на основании Указа могли получить советское гражданство и вернуться на свою старую родину. Однако далеко не всем российским эмигрантам-участникам движения Сопротивления улыбнулась судьба, и некоторые из них вернулись домой под конвоем в качестве подследственных или заключенных.

В заключение следует отметить, что югославы сформировали мощную партизанскую армию еще тогда, когда гитлеровцы чувствовали себя хозяевами положения в значительной части Европы. Югославские партизаны, а затем НОАЮ нанесли немцам, итальянцам и хорватским уставам серьезные поражения. Победа над фашизмом досталась народам Югославии высокой ценой. Общее число жертв в Югославии превысило 1 млн. 700 тыс. человек, т. е. более 10% населения страны, в том числе на полях сражений погибло 305 тыс. человек [4, с. 366]. Большую помощь югославскому народу в освобождении страны оказали и российские эмигранты.

Вместе с тем участие российской эмиграции в национально-освободительной борьбе Югославского народа до настоящего времени не получило должной разработки ни в русской, ни в сербской литературе. Недостаточно освещены вопросы о количестве и численности воинских формирований из эмигрантов. Многие документы о личном составе частей и соединений НОАЮ сохранились не полностью, а имеющиеся в наличии не всегда содержат нужные сведения по интересующему вопросу.

1. Алексеева, Е.В. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов, словенцев (по документам Архива Югославии) / Е.В. Алексеева // Отечественные архивы. – 1995. – № 6. – С. 20–26.
2. Внешняя политика Советского Союза. Док. и матер. (январь – декабрь 1949 года). – М., 1953. – 626 с.
3. Гончаренко, О.Г. Изгнанная армия. Полвека военной эмиграции, 1920–1970 гг. / О.Г. Гончаренко. – М. : Вече, 2018. – 400 с.
4. Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, 1939–1945 / В.В. Марьина [и др]. – М. : Радикс, 1995. – 547 с.
5. Кёсева, Ц. Болгария и русская эмиграция, 1920–1950-е годы / Ц. Кёсева. – М. : Русский путь, 2008. – 310 с.
6. Косик, В.И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 / В.И. Косик // Славяноведение. – 1992. – №4. – с.20–32.
7. Косик, В.И. Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX – начало XXI вв.) / В.И. Косик. – Ин-т славяноведения, 2014. – 272 с.
8. Мейснер, Д.И. Миражи и действительность / Д.И. Мейснер. – М. : Изд. «Новости», 1966. – 301 с.
9. Огороков, А.В. Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945 гг.) / А.В. Огороков. – М. : Б. и., 2000. – 111 с.

10. Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. – М.: РГГУ, 2000. – 497 с.
11. Русский Корпус на Балканах. 1941–1945 гг. – М.: Вече, 2008. – 416 с.
12. Сборник законов, указов, постановлений, решений и распоряжений. 1946: [Указы Президиума Верховного Совета СССР и РСФСР, постановления Совета министров СССР и РСФСР, решения и распоряжения Ленингр. гор.сов. деп. трудящихся и др.]. – Л., 1947. – 583 с.
13. Серков, А.И. Русское масонство. 1731–2000: Энцикл. слов. / А.И. Серков. – М.: Росспэн, 2001. – 1222 с.
14. Спатарель, И.К. Против черного барона / И.К. Спатарель. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1972. – 255 с.
15. Тесемников, В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) / В.А. Тесемников // Вопросы истории. – 1988. – № 10. – С. 128–137.
16. Тесемников, В.А. Югославская одиссея Фёдора Махина / В.А. Тесемников // Родина. – 2007. – № 8. – С. 93–97.
17. Тимофеев, А.Ю. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945 / А.Ю. Тимофеев. – М.: Вече, 2010. – 400 с.
18. Шкаренков, Л.К. Агония белой эмиграции / Л.К. Шкаренков. – Изд. 3-е. – М.: Мысль, 1987. – 236 с.

Чернявский И.В.

НАГРАЖДЕНИЯ ПАРТИЗАН ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ МЕДАЛЬЮ «ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА» (1941–1945 гг.)

К началу Великой Отечественной войны в 1941 г. наградная система Советского Союза не была обширной. За боевые подвиги обычно вручались ордена Ленина (высшая награда СССР), Красного Знамени, Красной Звезды, а также медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Что касается высшей степени отличия, то таковым с 1934 г. было установлено звание «Герой Советского Союза». Удостоенным его кавалерам с 1939 г. начали вручать специальный знак – медаль «Золотая Звезда».

Непосредственно в период Великой Отечественной войны было учреждено значительное количество новых орденов (Отечественной войны I и II степеней, Кутузова I, II, III ст., Невского и т.д.) и медалей (Ушакова, Нахимова, «Партизану Отечественной войны» I и II ст. и т.д.). В связи с характером боевых действий, которые велись как на фронтах, так и на оккупированных территориях, награждали орденами и медалями не только бойцов и командиров Красной Армии, но и личный состав партизанских формирований. Не были исключением и народные мстители западных областей Беларуси (Вилейская, Белостокская, Барановичская, Брестская и Пинская).

В период 1941–1942 гг. в связи с тяжёлым положением на театре военных действий награждения в принципе были нечастыми. А тем более медалью «Золотая Звезда». Если говорить о партизанах Западной Беларуси, то на тот момент связь с Большой землёй у них практически отсутствовала. Большинство формирований действовали самостоятельно. Поэтому возможности передавать информацию об отличившихся бойцах и коман-